

УДК 165.0:82

DOI 10.15372/PS20230404

EDN BTFFPA

Н.В. Головки**КОНТЕКСТУАЛИЗМ, ТЕЗИС ЛЬЮИСА
И ПРАКТИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ**

Цель работы – построить адекватную интерпретацию примеров «Аэропорт» С. Коэна и «Банк» К. Дероса как аргументов в пользу контекстуализма и против скептицизма. В свое время Д. Льюис задал основную «парадигмальную» рамку современного контекстуализма: (а) фаллибилизм, (б) скептицизм как смена контекста и (в) акцент на прагматике задания осмысленности высказывания, которую фиксирует «эпистемический стандарт», определяющий силу «эпистемической позиции» субъекта, приписывающего знание в данном контексте. Несмотря на то что С. Коэн и К. Дерос описывают разные ситуации (в примере С. Коэна мы описываем ситуацию приписывания знания не участнику диалога, а «третьему лицу»), для этих примеров можно предложить единую интерпретацию, которая, кроме прочего, будет объяснять, почему «эпистемические стандарты» в разных контекстах различны. Основанием такой «интерпретации» будет специфическая психологическая трактовка условия (в) – того, как работает прагматика задания осмысленности высказывания в контексте. Формируя свою психологическую «уверенность» в *P*, субъект будет руководствоваться «определением предела, после которого мы уже не формируем убеждение, но обладаем им» (Дж. Нагель), и «степенью влияния привилегированной информации на предсказание реакции другого» (Э. Ройзман и др.), которые естественным образом будут различаться от контекста к контексту. Существенно то, что для того чтобы такая трактовка работала, мы должны потребовать, чтобы причинная структура подсознательных процессов, которые фиксируют убеждение, была изоморфна эвиденциалистской структуре пропозиционального обоснования. И на наш взгляд, это гораздо менее сильное допущение, чем допущение «мы можем знать в обыденной жизни», на которое опирался Д. Льюис в рамках его собственной интерпретации контекстуализма.

Ключевые слова: контекстуализм; приписывание знания; практическое окружение; обоснование; скептицизм; необходимость замыкания; эпистемический эгоцентризм; Д. Льюис; С. Коэн; К. Дерос; Дж. Хоторн

N.V. Golovko**CONTEXTUALISM, LEWIS'S ARGUMENT
AND PRACTICAL ENVIRONMENT**

The paper aims to make a proper interpretation of the cases “Airport” by S. Cohen and “Bank” by K. DeRose as arguments for contextualism and against skepticism. At the

time, D. Lewis set the main “paradigmatic” frame for modern contextualism: (a) fallibilism, (b) skepticism as a change of context, and (c) the emphasis on the need of pragmatic interpretation of the meaningfulness of statements, which is set by the “epistemic standard” that determines the strength of the “epistemic position” of the person attributing knowledge in a given context. Despite the fact that S. Cohen and K. DeRose describe different situations (in S. Cohen’s example we consider the situation of knowledge attribution not for a participant in the dialogue, but for a “third party”), for both examples we can offer a uniform interpretation, which, among other things, will explain why “epistemic standards” are different in different contexts. The basis for such an “interpretation” will be a specific psychological interpretation of condition (c) that describes the pragmatics of setting the meaningfulness of a statement in context. Forming his psychological “confidence” in *P*, the person will be guided by the limits after which “we are no longer forming belief, but already have a conviction” (J. Nagel) and “the degree of using the privileged information to predict a reaction of the other person” (E. Royzman et al.) that will operate differently from context to context. The essential point is that for such an approach to work, we should require that the causal structure of the subconscious processes that form a belief be isomorphic to the evidentialist structure of propositional justification. In our opinion, this is a much weaker assumption than the “we can know in everyday life” assumption that D. Lewis relied on in his own interpretation of contextualism.

Keywords: contextualism; attribution of knowledge; practical environment; justification; skepticism; need for closure; epistemic egocentrism; D. Lewis; S. Cohen; K. DeRose; J. Hawthorne

Введение

В свое время Дэвид Льюис предложил один из самых заманчивых аргументов против скептицизма – условный «аргумент Льюиса». С его точки зрения, скептицизм, проблема Гетье, а также парадокс лотереи легко преодолеваются, если мы предположим, что «предложения, содержащие предикат “знает”, могут быть истинными в одних контекстах употребления и ложными в других», т.е. то, что мы можем знать, зависит от контекста (см., например: [15]). Истинностные значения предложений, приписывающих знание (knowledge ascription), содержащих соответствующий предикат¹, являются контекстно-зависимыми, т.е. зависят от конкретных ситуаций, в которых находится говорящий. По отношению к одному и тому же субъекту *S* и одной и той же пропозиции *P* в одном контексте мы можем сказать, что «*S* знает, что *P*» истинно, а в другом –

¹ В классической теории (Р. Чизолм) мы бы сказали – приписывающих данному убеждению эпистемический статус «знание», но в парадигме, в которой работает Д. Льюис, «знание» используется как «указующий» (indexical) термин, значение которого определяется «семантическим контекстом использования», т.е. значением выражения, которое содержит этот термин.

то же самое « S знает, что P » – ложно. И дело не в том, что, например, говорящий может употреблять «нечеткие» понятия (дорога – ровная, цветок – красный и т.д.), а в том, что для каждого значимого в данном случае контекста, в котором мы приписываем знание, существует (должен существовать) *свой* «эпистемический стандарт», который определяет то, что значит знать P в данном случае.

Естественно, для того чтобы говорить, что знание зависит от контекста, мы должны иметь возможность различать эти «стандарты». И Д. Льюис говорит о силе «эпистемической позиции» (epistemic position) субъекта, которая определяется силой «эпистемических оснований» (reasons), но его трактовка знания расходится с классической. Он говорит о новой онтологии, «свободной от “языка чистого восприятия” и “неизменных протокольных предложений” фаундалистской эпистемологии. Перцептуальный опыт (или память) исключает возможность [не- P] не потому, что с ней конфликтует пропозициональное содержание опыта (оно может быть ложным), но потому что существование опыта конфликтует с ней. Предмет знания – это соотнесение (match) возможностей» [15, р. 553]. Как следствие, принимается следующее представление: « S знает что P , если и только если данные *исключают* любую возможность не- P , кроме тех возможностей, которые естественным образом (properly) *игнорируются*» [15, р. 554]. Какие именно альтернативы «исключаются» и «игнорируются», определяется контекстом.

Основная идея, стоящая за предположением, что контекстуализм способен преодолеть скептицизм, заключается в том, что скептик, в частности когда обращается к таким примерам, как «мозг в баке», «демон Декарта» и т.д., умышленно *создает контексты*, в которых эпистемические стандарты гораздо более жесткие и требовательные, чем те, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни. Смысл в том, чтобы придумать скептический «контекст», в котором нельзя знать. В терминологии Д. Льюиса, скептик обращает наше внимание на соответствующие «возможности» и, делая их релевантными истинности предложения, приписывающего знание, повышает «стандарт» приписывания знания, расширяя множество альтернатив, которые нужно исключить. Важно то, что скептическая позиция не может отвечать *всем* возможным контекстам приписывания знания. Должны существовать контексты, в которых «стандарты» ниже, но в которых предложения, содержащие предикат «знать», будут истинными.

Естественно, Д. Льюису, автору работ «Конвенция» (1969 г.) и «О множественности миров» (1986 г.), апелляция к тому, что мы можем знать в обыденной жизни, как пример соответствующего контекста, возможно, не казалась таким уж сильным метафизическим допущением. Ключевой момент концепции Д. Льюиса – фаллибилизм: «всегда существует неисключаемая возможность ошибки (error), либо знание не исключает ошибки (fallible), либо его нет. Лучшее знание – это более стабильное знание, оно более устойчиво при смене контекста, когда мы обращаем внимание на ранее проигнорированные возможности. И если наше игнорирование на предыдущем этапе было подходящим (proper) тому времени, то даже самое сомнительное знание, которым мы обладали ранее, может называться знанием, отвечающим тому контексту» [15, p. 550]. И именно так решается проблема скептицизма: «скептик переключает (switch) контексты посередине рассуждения, и семантическое значение контекстно-зависимого слова “знать” переключается вместе с этим. Посылка “вот моя рука” истинна в контексте обыденного рассуждения, где возможность быть обманутым демоном игнорируется. Однако сама фиксация этого может переключить контекст. Заключение “я знаю, что я не безрукий” ложно в контексте скептика, в котором упоминание возможности быть обманутым демоном не было проигнорировано. Если мы оцениваем заключение в контексте, в котором была произнесена посылка, то оно истинно» [15, p. 564].

Не менее существенным, на наш взгляд, является акцент Д. Льюиса на прагматике, которая и закрепляет то, каким образом в каждом из контекстов *«исключается возможность не-Р»* и как *«естественным образом игнорируются альтернативы»*. «...Здесь я опираюсь, – пишет Д. Льюис, – на радикально *прагматическое* основание (principle): интерпретировать высказывание так, чтобы оно имело смысл – было согласованно и осмысленно (sensible) высказывалось... Перцептуальный опыт исключает возможность того, чтобы опыт (или память) субъекта имели содержание, отличное (different) от *Р*. Я не говорю, что опыт элиминирует только те возможности, в которых *Р* ложно. Говоря, что мы исключаем “все” возможности не-*Р*, мы, естественно, предполагаем, что эта идиома ограничена какой-то областью. То, что находится за этой областью, нерелевантно истинности того, что говорится. Поверхность плоская, если на ней нет неровностей. И мы должны считать некоторые вещи плоскими, игнорируя определенный тип неровности. И конечно, я не

могу игнорировать любую возможность, какую захочу. Я могу игнорировать какие-то возможности, которые не стоило игнорировать, и не игнорировать другие. В любом случае я буду *предполагать* возможности и игнорировать те из них, которые фальсифицируют мои предположения. *S*, знает что *P*, если и только если есть данные, которые исключают любую возможность не-*P*, кроме тех возможностей, которые конфликтуют с нашими должным образом построенными (proper) предположениями» [15, p. 553–554].

Так, возможно, этого не подозревая, Д. Льюис задает основную «парадигмальную» рамку современного контекстуализма: (а) фаллибилизм, (б) скептицизм как смена контекста и (в) акцент на прагматике задания осмысленности высказывания, которую фиксирует «эпистемический стандарт», определяющий силу «эпистемической позиции» субъекта, приписывающего знание в данном контексте. Проблема в том, что далеко не все согласны с предложенным «модальным» представлением о знании. И «исключение», и «игнорирование» альтернатив апеллируют к данным. Мы все равно анализируем силу «эпистемической позиции» в терминах эпистемического обоснования. Тем интереснее посмотреть на то, как отмеченная «рамка» реализуется в работах тех, кто не готов принять порой слишком революционные идеи Д. Льюиса. При этом мы полагаем, что другие интерпретации контекстуализма должны отвечать условному «тезису Льюиса» о том, что контекстуализм преодолевает скептицизм.

Далее мы отдельно остановимся на двух наиболее известных примерах в пользу контекстуализма, которые приводят Стюарт Коэн [4] и Кит Дерос [8]. В 1980-х годах С. Коэн был одним из первых контекстуалистов, кто связал опровержение скептицизма с противопоставлением скептического и обыденного контекстов (см., например: [5; 6]). Если следовать С. Коэну, дело не только в том, что скептик меняет контекст и завышает «эпистемический стандарт», но в том, что мы обязаны показать *разницу* между контекстами. В терминах Д. Льюиса, мы должны показать, как от контекста к контексту изменяются наши представления: «...Что мы можем надлежащим образом предположить, приписывая знание? Которую из всех неисключаемых альтернативных возможностей нельзя должным образом игнорировать? Какие возможности являются “релевантными альтернативами” тому, что субъект может знать и не знать?» [15, p. 554]. Мы не можем просто сказать, что термин «знать» является

контекстно-зависимым. Мы должны показать, что у нас есть *независимые* данные в пользу того, что приписывание знания в разных контекстах различается.

Наш тезис заключается в том, что хотя С. Козн и К. Дерос описывают разные ситуации (в примере С. Козна мы описываем ситуацию приписывания знания не участнику диалога, а «третьему лицу»), для этих примеров можно предложить единую интерпретацию того, почему «эпистемические стандарты» в разных контекстах будут различны. Основанием для такой «интерпретации» будет специфическая психологическая трактовка условия (в) – того, как работает прагматика задания осмысленности высказывания в контексте. Для того чтобы «практическое окружение» приписывания знания (термин Дж. Хоторна) выполняло свою основную функцию – «исключать возможности не-Р» и «естественным образом игнорировать альтернативы» в данном контексте, мы должны дополнить традиционную аргументацию в пользу контекстной зависимости приписывания знания указанием на значимость независимых «психологических» характеристик, влияющих на «уверенность» субъекта в принятии *P*, таких как «эпистемический эгоцентризм» (термин Э Ройзмана) и «необходимость замыкания» (термин Дж. Нагель). Формируя свою психологическую «уверенность» в *P*, субъект будет руководствоваться «определением предела, после которого мы уже не формируем убеждение, но обладаем им», и «степенью влияния привилегированной информации на предсказание реакции другого», которые естественным образом будут различаться от контекста к контексту. Естественно, для того чтобы такая трактовка работала, мы должны потребовать, чтобы причинная структура подсознательных процессов, которые фиксируют убеждение, была изоморфна эвиденциалистской структуре пропозиционального обоснования. Однако, на наш взгляд, это гораздо менее сильное допущение, чем допущение «мы можем знать в обыденной жизни», на которое опирался Д. Льюис в рамках его собственной интерпретации контекстуализма.

«Банк» К. Дероса и «Аэропорт» С. Козна

Вот что пишет Дж. Хоторн:

«Льюис был прав, полагая, что истинность приписывания знания зависит не только от того, что приписывающий игнорирует, но

и от того, что он *должен* (ought) не принимать во внимание. В случае внимательного-к-субъекту (subject-sensitive) приписывания знания (противопоставляется внимательному-к-приписывающему (ascriber-sensitive). – Н.Г.) знание зависит не только от того, какие варианты *P* субъект игнорирует, но и от того, какие ему *следует* (should) не принимать во внимание. Например, догматизм игнорирует те вещи, которые не следует игнорировать.

Одно из объяснений того, почему практическое рассуждение (practical reasoning) не имеет силы, заключается в том, что субъект на самом деле *не знает* посылку.

Я не выиграю в лотерею [учитывая объективную вероятность события].

Если я оставлю билет себе, то я ничего не получу [мне предлагают продать билет за полцены].

Тогда

я должен продать билет.

Заключение, что этот вывод плохой (bad), не опирается на соображения о практической значимости для субъекта факта продажи билета. Пока мы не сможем сказать, что убеждение [действительно] является посылкой практического рассуждения, оно не является частью знания (piece of knowledge). Когда мне предлагают продать лотерейный билет, я не могу использовать посылку “я не выиграю в лотерею”, так как я не знаю, проиграю или нет. Если есть шанс выиграть, то субъект *не знает*, что он проиграет... Теоретически вполне рационально полагать, что в отношении любой пропозиции, которую мы принимаем, можно сделать ставку против нее. Вопрос в том, будет ли знание об этой пропозиции уничтожено (destroyed) в том *практическом окружении*, в котором делается ставка» [12, p. 174–175].

На наш взгляд, акцент Дж. Хоторна на разделении «внимательного-к-субъекту» и «внимательного-к-приписывающему» приписываний знания на основании того, что (по Д. Льюису) в каждом контексте есть что-то, что «следует игнорировать» (то, что выпадает из условной «жизненной перспективы» субъекта в данном контексте) и что определяется «практическим окружением», решает крайне важную для контекстуализма проблему указания на *разницу* в семантическом содержании контекстов.

Отметим, что само по себе выделение «внимательного-к-субъекту» и «внимательного-к-приписывающему» приписываний знания не является чем-то сверхоригинальным, поскольку в классической теории (Р. Чизолм, У. Алстон, Б. Стауд, Э. Кони, Р. Фелдман и др.) уже предполагается, что контекст приписывания знания, т.е. контекст приписывания эпистемического статуса убеждению, также является «внимательным-к-субъекту». Об этом говорит «первое условие» – условие принятия. Принимая данную пропозицию, субъект по определению ограничивает себя своим собственным контекстом, где он и будет рассматривать (подбирать) релевантные эпистемические характеристики, которые в конечном итоге и позволят сказать, знает ли он *P*.

Также отметим, что говоря о «практическом окружении» (в эпистемическом смысле), сложно отделаться от аллюзии на «интенциональную перспективу» (в онтологическом смысле), которая определяет все множество допустимых проекций в онтологии паттернов Д. Деннета: паттерны, которые будут существовать в одних перспективах, не будут существовать в других (см., например: [7]). При этом Д. Деннет показывает, что апелляция к разным «интенциональным перспективам» не означает релятивизм. Его концепция – это «слабый реализм» (термин Д. Деннета), опирающийся на объективность явления, описываемого концепцией алгоритмического скатания (см., например: [1; 2]).

В нашем случае, следуя Дж. Хоторну, мы говорим не о паттернах, а об интерпретациях истинности посылок «практического рассуждения» для каждого из контекстов. Условным аналогом объяснения того, что онтология паттернов не является «плохой» (не скатывается в релятивизм, что важно для онтологии), служит объяснение того, в каком эпистемическом смысле концепция «практического окружения» является «хорошей». Подчеркивая независимость (и даже несоизмеримость!) разных контекстов, мы также не должны скатываться в релятивизм. Контекстуалист согласен с тем, что «я знаю» в одном контексте и «я не знаю» в другом – оба истинны. Однако релятивист будет интерпретировать «я не знаю» как *отрицание* ситуации, описываемой в контексте, где субъект говорит «я знаю». И никакой возможности «перекинуть содержательный мостик» между примерами (например, говорить о том, что эти случаи объединяет контекстуализм как специфическая философская платформа, которая исходит из представления о том, что у нас есть возможность «сравнивать» контексты), с точки зрения релятивиста, нет.

Суть примера с лотерейным билетом не в том, что мы должны оценивать знание в терминах вероятности и принятия решений, это не пример в смысле «внимания-к-приписывающему». Изменение контекста в смысле фиксации «практического окружения», которое может «уничтожить убеждение», *реально* влияет на то, знаем ли мы

данную пропозицию или нет в данном контексте. В частности, именно в силу того, что субъект «должен игнорировать» определенные вещи, связанные с приписыванием знания, – что и обеспечивается «практическим окружением». Именно на то, как реализуется эта функция и на каких *основаниях* работает «практическое окружение», мы и будем обращать внимание, разбирая примеры С. Козна и К. Дероса.

«Банк». Случай (А). *В пятницу вечером мы с женой планировали заехать в банк, для того чтобы обналичить чек. Однако, обнаружив в банке большую очередь, а также не видя срочной необходимости в деньгах, я предложил обналичить чек в субботу утром. На что жена заметила, что большинство банков закрыты в субботу и что, вероятно, этот банк тоже будет закрыт. На что я сказал: «Нет, я знаю, что он будет открыт. Я был здесь две недели назад в субботу утром, он был открыт».*

«Банк». Случай (В). *Исходная ситуация такая же, как в случае (А), однако теперь есть крайняя необходимость чек обналичить. Жена замечает: «Банки могут менять расписание работы в выходной день. Ты точно знаешь, что он будет открыт завтра утром?» Я точно уверен (на основании того, что две недели назад банк работал в субботу), что завтра банк будет открыт. И тем не менее я сказал: «Пожалуй, нет. Лучше я пойду и уточню» [8, р. 913].*

К. Дерос отмечает: «Определенно я могу сказать: (1) “я знаю, что банк откроется в субботу” истинно в случае (А). Аналогично (2) “я не знаю, что банк откроется в субботу” истинно в случае (В), если принимать во внимание то, что я этого не знаю. Однако нельзя сказать, что “знать” в случае (А) и “знать” в случае (В) чем-то сильно различаются. Вполне естественно сказать: (3) “если я знаю, что банк откроется в субботу в случае (А), то я также знаю это в случае (В)”. Наша цель – подобрать аргументы в пользу установки, согласно которой все три предложения истинны. В то же время, если (1) и (2) истинны, то они будут несогласованны (*inconsistent*) с (4) “если то, что я говорю в случае (А), истинно, то то, что я говорю в случае (В), ложно”. Существует большая разница между (3) и (4), и это ключевой момент для позиции, которую я отстаиваю» [8, р. 914].

«Аэропорт». *Мэри и Джон в аэропорту Лос-Анджелеса ожидают рейс в Нью-Йорк. Они хотят узнать, будет ли посадка в Чи-*

каго. Они слышат, как кто-то спросил другого пассажира, Смита, о том, будет ли посадка в Чикаго на этом рейсе. Смит, посмотрев в маршрутную квитанцию, которую ему выдали в турагентстве, говорит: «Да, я знаю, что нам предстоит посадка в Чикаго». Для Мэри и Джона важно, чтобы самолет совершил посадку в Чикаго. Мэри спрашивает: «Насколько достоверны данные, которые указаны в маршрутной квитанции Смита? Вдруг там опечатка? Авиакомпания может изменить маршрут». Мэри и Джон соглашаются, что на самом деле Смит не знает, что самолет совершит посадку в Чикаго. Они решают уточнить это у авиакомпании [4, p. 58]).

Смит утверждает, что он знает, что самолет приземлится в Чикаго. Мэри и Джон отрицают, что Смит это знает. При этом мы можем сказать, что «эпистемический стандарт», которого придерживаются Мэри и Джон, фиксирующий то, насколько хорошими должны быть основания для того, чтобы знать, в определенном смысле более сильный, более строгий, чем предполагаемый «стандарт», который отвечает контексту Смита. Как отмечает С. Коэн, «ни один из стандартов не является корректным сам по себе. Именно контекст определяет то, чей стандарт и когда является корректным. И Смит, и Мэри с Джоном могут быть правы. Когда Смит говорит: “Я знаю...”, это истина, если учитывать его более слабый эпистемический стандарт. Когда Мэри и Джон говорят: “Смит не знает...”, это тоже истина, если принимать во внимание их контекст. *Не существует не зависящего от контекста корректного стандарта*» [4, p. 59].

Отличительная особенность примеров С. Коэна и К. Дероса заключается в том, что среди множества аналогичных примеров, подчеркивающих суть той или иной интерпретации контекстуализма (Дж. Стэнли, Дж. Браун, Дж. Шаффер, Т. Уильямсон и др.), это примеры, которые напрямую акцентируют внимание на «практическом окружении».

Ранее [3] мы рассматривали пример «Поезд», который приводят Дж. Фантл и М. Макграт. В одном случае для человека не важно оказаться в нужное время на определенной станции, и он обоснован тем, что «поезд там остановится». В другом случае цена ошибки, которую субъект может допустить, приписывая «не тот» эпистемический статус соответствующему убеждению на основании имеющихся (и, возможно, неполных) данных, велика, а значит, субъект находится в ситуации, в которой он «не знает»

[10, р. 67]. Отличие от примеров С. Козна и К. Дероса заключается в том, что ключевым моментом для Дж. Фантла и М. Макграта является «практическая значимость» обстоятельств, в которых находится субъект, а не согласованность определенных суждений или зависимость от контекста эпистемических «стандартов».

В примерах, аналогичных примеру Дж. Фантла и М. Макграта, преодоление скептицизма вообще не требует апелляции к контекстуализму. Здесь значимость прагматических соображений относительно риска приписывания желаемого эпистемического статуса данному убеждению в той или иной ситуации может пониматься не как проблема эпистемической рациональности или того, о чем говорит Д. Льюис, когда подчеркивает важность рассуждений о силе «эпистемической позиции», а как проблема достаточности эпистемического обоснования в ситуации, когда риск совершить ошибку является еще одним фактором, подчеркивающим принципиально субъективный характер приписывания эпистемического статуса убеждению. Как следствие, мы можем интерпретировать рассуждения Дж. Фантла и М. Макграта в парадигме, в которой семантические соображения об истинностном значении соответствующего предложения не играют особой роли, – как одну из форм скептического аргумента «от ошибки», который разрешается указанием на принципиальную разницу в «объеме» эпистемических данных в ситуациях, которые интроспективно рисует себе субъект, предполагая, знает ли он или нет.

Возвращаясь к Д. Льюису и представлению о том, что «*S* знает, что *P*, если и только если данные исключают любую возможность не-*P*, кроме тех возможностей, которые естественным образом игнорируются», зададимся вопросом: как (опираясь на какие дополнительные соображения) в этих случаях могут интерпретироваться основания «практического окружения» таким образом, чтобы оно выполняло свою основную функцию, а сами эти примеры свидетельствовали бы не только в пользу контекстуализма, но и против скептицизма?

Аргументы в пользу контекстуализма и психология принятия решений

Не нарушая общности рассуждений, пример К. Дероса можно представить следующим образом:

(1*) Предложение «я знаю, что банк откроется в субботу» в случае (А) истинно;

(2*) Предложение «я не знаю, что банк откроется в субботу» в случае (В) истинно;

(3*) Предполагаемая сила «эпистемической позиции» одинакова как для случая (А), так и для случая (В).

Тогда

(4*) Наилучшим объяснением того, каким образом (1*)–(3*) могут быть одновременно истинными, является то, что значение предложения «я знаю, что банк откроется в субботу» разное в каждом из приведенных случаев.

Зададим соответствующие интерпретации посылок (1*) и (2*), а также заключения (4*) таким образом, чтобы приведенный аргумент был верен.

Посылка (1).* Тот факт, что две недели назад банк был открыт, является достаточным основанием для того, чтобы предположить, что он будет открыт завтра. Да, «эпистемическая позиция» в случае (А) не дает оснований быть в этом абсолютно уверенным, но посылка (1*) будет работать, если мы выберем фаллибилизм.

С эпистемической точки зрения «фаллибилизм» – это представление о том, что *S* знает, что *P*, но *сила* «эпистемической позиции» субъекта не является «максимальной». Да, традиционно «фаллибилизм» – это доктрина об эмпирическом подтверждении теории, однако, на наш взгляд, ничто не мешает расширить трактовку, перейдя от понятия «данные» к понятию «обоснование», на которое и опирается представление о силе «эпистемической позиции». Когда Смит говорит «я знаю», это истина при условии, что принимается во внимание предполагаемый «эпистемический стандарт», который отвечает его контексту. Когда Мэри и Джон говорят: «Смит не знает», это истина в их контексте. Если следовать самой общей логике контекстуализма, ни один «стандарт» сам по себе не является правильным или неправильным. Собственно, сам контекст определяет, является ли данный «стандарт» хорошим и насколько: контекст определяет и условия истинности, и истинностное значение предложения, приписывающего знание, и тем самым задает силу «эпистемической позиции».

Проблема в том, что никакой общей теории, которая говорит о том, как именно «контекст» определяет «стандарт», нет. При этом истинностное значение приписывания знания будет зависеть и от силы «эпистемической позиции», и от четкости понимания «стандарта». И даже если сила «эпистемической позиции» остается той же самой (и Смит, и Мэри с Джоном остаются эвиденциалистами и действуют на основании имеющихся данных), то четкость понимания «стандарта», например, в плане фиксации

того, насколько сильными должны быть основания, для того чтобы считать *P* знанием, может различаться (Смит считает, что его процесс обоснования закончен, а Мэри и Джон полагают, что им нужны дополнительные данные).

Применительно к нашим проблемам подчеркнем два момента. Во-первых, как правило, принятие фаллибилизма означает отказ от универсалистской (логической) интерпретации принципа «эпистемического замыкания»: «если *S* знает, что *P*, и из *P* следует (entail) *Q*, то *S* знает, что *Q*». Когда мы говорим об «эпистемических стандартах», его можно переписать как «*S* знает, что *P*, на сновании *R*, только если из *R* следует *P*». Тот факт, что сила «эпистемической позиции» не «максимальна», нарушает строгость отношения «следования». В нашем случае «*S* знает, что *P*, на сновании *R*, даже если существует некоторая альтернатива *P*₁, несогласованная (incompatible) с *P*, но согласованная с *R*». Во-вторых, речь идет о «доксастической» (от греч. *doxa* – общепринятое мнение) природе обоснования. Как отмечал К. Поппер, «базовые убеждения не обоснованы непосредственно опытом, а принимаются вследствие акта свободного принятия решения. Решение, в отличие от обоснования, достигается в соответствии с процедурой, направляемой правилами. По аналогии с судебным заседанием своим решением жюри принимает по согласию утверждения о фактическом состоянии дел. Очевидно, утверждение не обязательно должно быть истинным, чтобы жюри его приняло. Это факт признается в норме, позволяющей отменить (quash) или пересмотреть вердикт» [17, р. 92].

Для фаллибилизма условность в выборе правил и оснований рассуждения не означает релятивизм. Оба эти момента будут значимы при построении единой трактовки примеров С. Козна и К. Дероса.

В данном контексте предложение «*S* знает что *P*» будет истинным, даже если вероятность *P* не будет максимальной. А значит, «я знаю, что банк откроется в субботу» в случае (А) истинно.

Посылка (2)*. Здесь мы должны показать, что на самом деле «я знаю, что банк откроется в субботу», но по каким-то причинам говорю противоположное. С точки зрения К. Дероса, в данном случае выражение «я не знаю, что банк откроется в субботу» может быть произнесено «компетентным носителем языка» (competent speaker) как часть «языковой игры» [9, р. 173]. Обыденная интуиция о том, как должен себя вести субъект в случае (В), не всегда должна совпадать с тем, как субъект мог бы выразить свою мысль в каждом конкретном случае. Сарказм, преувеличение, инверсия и т.д. – все это вполне допустимые формы выражения мысли, и для того чтобы не потерять содержание, скрывающееся за словесной формой, нам всем следует руководствоваться «принципом благожелательности» (charity). Принимая во внимание фаллибилизм, мы можем сказать,

что субъект специально говорит, что не знает, именно потому, что хочет подчеркнуть, что он не может быть «максимально» обоснованным тем, что «банк откроется в субботу», поскольку его «эпистемическая позиция» недостаточно сильная для этого.

Конечно, такая интерпретация, например, может потребовать объяснения, почему именно сейчас, в разговоре с женой, субъект ведет себя именно так и что он ответит, скажем, на вопрос: «Ну а если честно, ты знаешь, что банк будет открыт?». В определенном смысле тут может помочь интуиция понимания контекстов *de re* и *de dicto*. Именно в обыденной интерпретации мы говорим, что выражение «Лоис Лэйн думает, что Кларк Кент слабее Супермена» фиксирует две разные ситуации, но на самом деле оно может указывать только на одну ситуацию, в которой говорящий будет раскрывать свою мысль в соответствующей словесной форме. Например, Лоис, подшучивая над Кларком и подчеркивая его «человеческую» сторону, может сказать: «Я знаю, что ты слабее Супермена». В реальной ситуации произнесения соответствующей фразы, да еще и принимая фаллибилизм, мы можем допустить, что когда мы говорим «не знаю», на самом деле мы знаем.

Заключение (4)*. Ключевой момент в построении хорошей интерпретации (4*), конечно, играет посылка (3*). Интуитивно нам не кажется, что «эпистемическая позиция» субъекта одинакова в обоих случаях. Однако, как указывают Дж. Фант и М. Макграт, тут мы не только можем, но и должны говорить не об «эпистемических условиях знания», а именно о «прагматических условиях знания»: «*S* знает, что *P*, только если для *S* рационально действовать так, как если бы *P*» [11, р. 559]. Это очень сильное допущение, которое буквально меняет всю «эпистемическую логику» рассуждения. Здесь речь не только о том, что субъект знает, но и о том, что субъект действует на основании того, чему приписывает статус «знание», (если я знаю, что банк откроется в субботу, то я пойду в него завтра), — я *принимаю* «практическое решение» на основании предположения «как если бы *P*». В терминологии Д. Льюиса: шанс того, что не-*P*, не может помешать мне считать рациональным действовать на основании *P*.

Сразу отметим, что сам факт того, что в случае (В) субъект обладает достаточной уверенностью, чтобы действовать сообразно, не отрицает того, что сила «эпистемической позиции» в (3*) одинакова. Поскольку «обладание уверенностью, чтобы действовать», не

является *семантическим* фактором, влияющим на истинность предложения, приписывающего знание, это независимый прагматический фактор. В этом смысле в случае (В) субъект не может действовать должным образом на основании принятия допущения «банк откроется в субботу», так как он не знает, а значит, «я не знаю» истинно. Учитывая характер ситуации, рационально пойти и уточнить, будет ли банк открыт завтра. Дж. Фант и М. Макграт убеждены в том, что такая «прагматическая» интерпретация контекстуализма, опирающаяся на представление о том, что «если вы знаете P , то можете действовать должным образом (*proper to act*) на основании P , если, конечно, P релевантно практической ситуации», работает. Мы можем фиксировать «я знаю» и «я не знаю» в разных ситуациях, не отрицая то, что в соответствующих контекстах сила «эпистемической позиции» одинакова.

Естественно, мы уже выбрали фаллибизм. Прямо сейчас я уверен, что моя машина стоит во дворе и ее не украли, и конечно, я могу «усилить» свою «уверенность» (например, выбирая эвиденциализм как основную концепцию обоснования) спустившись во двор. Сам факт, что мы можем «улучшить» обоснование, конечно же, можно интерпретировать в терминах «ставок» (если мы читаем Дж. Хоторна), которые я могу принимать в пользу своей убежденности до и после «улучшения». Точно так же могут различаться мои представления о «рациональности действия на основании P » (если мы читаем Дж. Фантла и М. Макграта) в ситуациях «до» и «после».

Дж. Фантл и М. Макграт отмечают: «Предположим мы выбрали и фаллибизм, и рациональность действия на основании P . Тогда существует субъект S_1 , который знает и готов действовать на основании «как если бы (*as if*) P ». Поскольку эпистемическая позиция S_1 не максимальная, то ставка в пользу P будет *независимо* определяться тем, рационально ли действовать на основании «как если бы P », и тем, выполнены ли традиционные условия знания (принятие пропозиции, ее истинность, основания рассуждения и т.д.). Тогда существует субъект S_2 , полностью повторяющий рассуждения S_1 относительно традиционных условий знания, но отличающийся тем, что *не будет* полагать рациональным действовать на основании «как если бы P ». В этом смысле S_2 *не будет знать*, что P » [11, p. 560].

На наш взгляд, это позитивное обоснование того, что мы действительно можем явно зафиксировать отличия одного «контекста» от другого. Естественно, остается вопрос о том, как мы можем рассуждать о «рациональности действия на основании «как если бы P », не обращаясь к представлению о «силе эпистемической позиции». Однако сам факт того, что мы можем действовать рационально, даже когда P не является истинным (конечно, предварительно мы должны принять P), говорит о том, что требо-

вания выполнения «сугубо эпистемических условий» и «рациональности действия» – это разные требования.

Не вдаваясь в детали дискуссии о правомерности такого «прагматического» расширения представления об «эпистемическом обосновании», отметим, что таким образом можно построить «прагматическую интерпретацию» примера К. Дероса. Однако, говоря о «практическом окружении» и средствах фиксации того, как в рамках контекста мы «исключаем возможность не-Р» и «естественным образом игнорируем альтернативы», мы нуждаемся в *дополнительном* (и желательно независимом) обосновании того, что такой «выход за рамки семантики в прагматику» можно совершить.

Следуя Дж. Хотторну, в первую очередь мы должны говорить о «внимательной-к-субъекту» интерпретации приписывания знания. Дж. Фантл и М. Макграт говорят о рациональности практического действия. Д. Льюис сожалеет о том, что «люди недостаточно умны для того, чтобы жить в соответствии с действительно высокими стандартами байесианской рациональности» [15, р. 563]. И если мы уже настолько далеко ушли от контекстуальности семантического приписывания знания, то предполагаемое обоснование «не-эпистемического» расширения представления об «эпистемическом обосновании» как минимум должно связать все эти вещи. На наш взгляд, здесь нужно сделать шаг дальше, подчеркивая субъективный характер принимаемого решения, и перейти к анализу *психологической* уверенности субъекта, действующего на основании «как если бы-Р».

Аналогичный ход рассуждений мы использовали, анализируя условный «аргумент Фантла – Макграта» против эвиденциализма [3]. В свое время Дж. Кванвиг обратил внимание на важность представления о «легитимной законченности процесса обоснования»: *осознание* риска допустить ошибку именно как психологическая «уверенность» заставляет нас искать *дополнительные* эпистемические данные, для того чтобы подтвердить или опровергнуть исходную гипотезу [14]. Следующий шаг последовательной «субъективистской» трактовки предполагаемой «прагматической» интерпретации примера К. Дероса связан с интерпретацией понятия «уверенность».

Как отмечает Дж. Нагель, есть «эмпирические лингвистические данные о контекстной зависимости приписывания знания» и есть «данные практической психологии о формировании убеждения

и его отнесении (attribution)» [16, p. 279]: «ошибочно думать, что субъект в ситуации с высокой и низкой угрозой совершения ошибки, получая одни и те же данные, одинаковым образом формирует убеждение. Это остается *незамеченным*, если мы говорим исключительно о касающихся истинности убеждения (truth-conductive) факторах» [Ibid.].

Часть подхода к объяснению того, как работает «практическое окружение» приписывания знания, во многом инспирированная самим Дж. Хоторном, подчеркивает важность «психологического состояния» субъекта, который приписывает знание. Вместо того чтобы говорить об изменении референта «знать» в зависимости от контекста приписывающего знание (что соответствует традиционному пониманию концептуализма), нужно говорить о том, что на самом деле отношение, которое фиксирует «знать», *остается тем же*, но при его описании особую роль играют «практические интересы» субъекта, которые не учитываются «традиционной» эпистемологией. И здесь под «практическими интересами» могут пониматься не только непосредственная «заинтересованность субъекта в конкретном конечном исходе» или «важность для субъекта не совершить ошибку», но также, например, «выбор начальных данных» и обоснование «достоверности когнитивного процесса», которые требуются именно в терминах «практической психологии»².

В разных ситуациях субъект, имея одни и те же исходные данные, одну и ту же силу «эпистемической позиции», придет к разным выводам: «Существует [психологический] эффект “необходимость замыкания” (need-to-closure), где “замыкание” означает переключение с формирования (formation) на наличие (possession) убеждения. До “замыкания” мы определяем то, какое убеждение выбрать, что составляет содержание предполагаемого убеждения, отвечающего данному положению дел, мы ищем информацию и взвешиваем альтернативы. После “замыкания” у нас появляется субъективная уверенность в надежности (solid) результата. Именно *уровень* необходимости замыкания устанавливает точку, после которой мы счита-

² Все дело в акцентах. В классической теории, допуская фаллибилизм, мы тоже можем говорить о том, что, например, в релейбелизме знание *P* не требует «идеальной достоверности (reliability) процесса формирования убеждения» (если мы читаем А. Голдмана) либо не требует «наличия убеждения, которое истинно во *всех* возможных мирах» (если мы читаем Д. Льюиса). Не-эпистемические факторы незримо присутствуют, но игнорируются.

ем, что ответили на поставленный вопрос. Субъекты с разным уровнем необходимости замыкания будут различаться (*differ*) в понимании того, знают они или нет, на основании их понимания надежности или ненадежности соответствующего убеждения. *Нет необходимости* обращаться к нетрадиционной эпистемологии, чтобы объяснить разницу, которую привносит «практический интерес», когда мы говорим о рисках совершить ошибку» [16, р. 281].

Важность принимаемого решения, осознание риска, недостаток времени и т.д. – это факторы, которые влияют на психологическое состояние субъекта, в том числе тем, что заставляют его *подсознательно* повышать «уровень необходимости замыкания» – психологический «уровень», определяющий границу, до которой субъект «еще формирует» убеждение, а после которой «уже обладает» убеждением. Именно в этом смысле у нас возникает (ложная) интуиция, что решение, принимаемое субъектом в ситуации, «от которой много что зависит», на самом деле принимается крайне поспешно и с меньшей тщательностью. Рассматривая случай (B), мы сразу готовы сказать: данных у субъекта явно недостаточно для того, чтобы знать, и демонстрируемая субъектом уверенность скорее всего является следствием поспешности мышления или принятия желаемого за действительное. Чтобы не говорить, что «эпистемическая позиция» субъекта в данном контексте является следствием «совершаемой ошибки» (субъект спешит), здесь мы можем подкрепить «прагматическую» трактовку аргумента (1*)–(4*) независимой «психологической» составляющей, которая также объясняет, в каком смысле один контекст отличается от другого.

В качестве примера того, что в целом «психологическая» трактовка того, как работает «практическое окружение» в аргументах в пользу контекстуализма, не является «случайной», посмотрим на пример С. Коэна. Предполагаемый аргумент С. Коэна в пользу контекстуализма можно представить следующим образом:

(1**) Предложение, которое говорит Смит: «Я знаю, что самолет совершит посадку в Чикаго», истинно;

(2**) Предложение, которое говорят Мэри и Джон: «Смит не знает, что самолет совершит посадку в Чикаго», истинно.

Тогда

(3**) Наилучшим объяснением того, каким образом (1**) и (2**) могут быть одновременно истинными, является то, что зна-

чение предложения «Смит знает, что самолет совершит посадку в Чикаго» будет разным в зависимости от того, кто говорит.

Существенное *отличие* этого примера заключается в том, что в «Банке» К. Дероса вопрос ставится о том, обладает ли сам субъект знанием, а «Аэропорт» С. Козна – это пример ситуации, когда анализируется знание, приписываемое «третьему лицу». Тем не менее мы полагаем, что оба примера можно проинтерпретировать в *одном* ключе – с опорой на «психологическую» трактовку того, как работает «практическое окружение». Проблема в том, что мы не можем сказать, что если субъект говорит о третьих лицах, то только характеристики контекста говорящего субъекта релевантны приписыванию знания у третьих лиц. По крайней мере мы должны предположить, что Смит принимает соответствующую пропозицию, и этот факт нельзя обосновать только с позиции Мэри и Джона. В данном случае мы *должны* расширить традиционное представление об «эпистемическом обосновании». Почему Мэри и Джон отрицают то, что Смит знает? Потому что они полагают, что «уверенность» Смита недостаточно «сильная» и поэтому он не знает. Естественно, с точки зрения самого Смита, его уверенность в том, что «самолет совершит посадку в Чикаго», вполне «сильная» и он знает. Это уверенность Мэри и Джона (в их контексте) в том, что Смит знает, недостаточно «сильная». И это ошибка, которую совершают они, а не Смит. И точно так же, как и при анализе заключения (4*), наша трактовка того, почему выполняется заключение (3**), может быть «психологической». Мэри и Джон переносят свою «доксастическую» установку на Смита, рассматривая его ситуацию как свою собственную. С их точки зрения, у Смита недостаточно данных. Но с точки зрения Дж. Нагель, «уровень необходимости замыкания» в контексте Мэри и Джона выше (они переживают, будет ли посадка в Чикаго), а значит, это их решение мы должны интерпретировать как «поспешное». И такая «психологическая» интерпретация ситуации дает возможность обосновать (3**), если, конечно, вы уже согласились с тем, что (1**) и (2**) истинны³.

³ Отметим, что определенное отличие приведенной интерпретации примера С. Козна от примера К. Дероса заключается в том, что в примере «Аэропорт» достаточно сложно объяснить *нашу* мотивацию прибегнуть к именно «прагматической» интерпретации ситуации. Мэри и Джон, несомненно, находятся в положении, когда риск ошибиться высок, но какого-то соответствующего «действия» (так же как

Вернемся к Д. Льюису и Дж. Хоторну. Мы рассматриваем механизм «практического окружения», ответственный за «исключение возможности не-Р» и «естественное игнорирование альтернатив», и предполагаем, что различные интерпретации контекстуализма, следующие за примерами С. Козна и К. Дероса, *должны* отвечать какой-то расширенной «психологической» интерпретации соответствующих аргументов, которая показывает разницу между контекстами именно в «не-эпистемических» терминах. Говоря о преодолении скептицизма в контекстуализме, мы не можем сказать, что здесь будет работать классическое «эпистемическое» представление об обосновании, когда основными факторами, определяющими силу «эпистемической позиции» субъекта, являются исключительно эпистемические факторы (те, которые в конечном итоге указывают на истинность анализируемого убеждения, – достоверность, неслучайность и т.д.). Более того, мы не можем здесь полностью использовать и «прагматическую» трактовку фиксации силы «эпистемической позиции» (как предлагают Дж. Фантл и М. Макграт), которая связывает «знать» и «рациональность действия», – она не будет работать в случаях, когда мы обсуждаем знание «третьих лиц». Мы должны рассматривать «психологическую» трактовку как независимое дополнение к традиционной эпистемической аргументации. Проблема в том, что расширение сугубо «эпистемического» представления за счет «психологических факторов» требует выйти за рамки философии.

В общем случае мы предполагаем, что именно психологические характеристики убеждения, т.е. именно те, которыми оперирует наше подсознание (черный ящик), в конечном итоге и являются ответственными за его эпистемический статус. В этом смысле, например, вполне естественно предположить, что существует некоторое «отношение подобия» между собственно эпистемической интерпретацией пропозиционального обоснования (когда мы говорим о достаточности эпистемических оснований приписывания убежде-

в примерах К. Дероса или Дж. Фантла и М. Макграта) самим примером не предусмотрено. Конечно, можно сказать, что Смит не знает, так как они «не действуют» (если бы мы хотели установить прямую аналогию между примерами С. Козна и К. Дероса), но такое предположение, на наш взгляд, слишком одиозно. В этом смысле, если мы говорим о принципиальном сходстве примеров С. Козна и К. Дероса, то мы должны говорить об общности в «психологической» (по Дж. Нагель), а не в собственно «прагматической» (по Дж. Фантлу и М. Макграту) интерпретации.

нию такого-то статуса, обоснование – это аргумент, связывающий исходную пропозицию, имеющиеся данные и желаемый эпистемический статус) и психологическими процессами, которые мы неявно предполагаем, говоря об эпистемической интерпретации доксистического обоснования (когда мы говорим, что обоснованно принимаем убеждение, принимаемое убеждение должно быть соответствующим образом хорошо обосновано).

Как отмечают Д. Хендерсон и Т. Хорган, «в общем случае мы должны говорить о “прототеории”, в которой причинная структура фиксирующих убеждение [подсознательных] процессов непреднамеренно (occurently) *изоморфна* эвиденциалистской структуре пропозиционального обоснования. Психологические состояния, релевантные доксистическому обоснованию, – причинно обуславливающие процессы, которые делают (make) субъекта обоснованным, – должны быть доступны (accessible) агенту. Другими словами, релевантная информация, которая есть у агента, должна быть *доступна* в виде, адекватном для реконструирующей артикуляции в ходе пропозиционального обоснования» [13, р. 204]. В нашем случае мы хотим подчеркнуть, что отмеченный психологический факт – «необходимость замыкания» и является той самой доступной для нас эпистемически релевантной характеристикой психологического состояния субъекта, играющей определенную (предполагаемую) причинную роль в обосновании, т.е. в закреплении «уверенности» субъекта. И поэтому мы можем опереться на этот факт при построении искомой интерпретации примеров С. Коэна и К. Дероса. Кроме того, мы можем дополнить отмеченное представление о «необходимости замыкания» Дж. Нагель другим, не менее известным психологическим фактом.

Э. Ройзман, К. Кэссиди и Дж. Бэрон, описывая ситуацию, практически идентичную примеру С. Коэна, вводят термин «эпистемический эгоцентризм»: «Представим ситуацию, что кафедра уже проголосовала за то, чтобы ваш коллега занял должность профессора, но он об этом еще не знает. В это же время вы рецензируете статью этого коллеги и пишете отрицательный отзыв. Можно ли предсказать, как коллега отнесется к тому, что статья не будет напечатана? Отметим, что ваше понимание ситуации опирается на то, что и вы, и коллега узнали, что статья не прошла, и на ваше *привилегированное* знание того, что коллега теперь профессор. Тогда (а) вы должны пользоваться только той информацией, которая есть и у вас,

и у коллеги, (б) вы должны не принимать во внимание (*set aside*) знание, доступное только вам. Сложность выполнить последнее условие – не принимать во внимание информацию, которой нет у другого субъекта, приводит к ошибке, наше предсказание реакции другого искажается нашей собственной перспективой» [18, р. 38]. Мэри и Джон, находясь в ситуации, предполагающей больший риск принятия решения (это их «привилегированное знание»), чем ситуация, в которой находится Смит, ошибочно проецируют на контекст, в котором находится Смит, свои представления. И именно эта «психологическая» трактовка «эпистемических позиций», отвечающих разным контекстам, *объясняет*, чем один контекст отличается от другого.

Контекстуализм не только постулирует, что «знать» является указующим термином, значение которого зависит от контекста, но и может объяснить (в рамках соответствующих интерпретаций), в каком смысле приписывание знания будет различаться от контекста к контексту и почему контекстуализм не является одной из форм скептицизма. Более того, «ценой» того, что мы можем интерпретировать «практическое окружение» приписывания знания в «психологических» терминах, является вполне «обычное» допущение, что причинная структура подсознательных процессов, которые фиксируют убеждение, изоморфна эвиденциалистской структуре пропозиционального обоснования. И это допущение, на наш взгляд, гораздо менее «необычное», чем допущение «мы можем знать в обычной жизни» Д. Льюиса.

Литература

1. Головки Н.В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы в пользу научного реализма // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2006. Т. 4, № 2. С. 51–57.
2. Головки Н.В. Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: преодоление логицизма // Философия науки. 2007. № 1 (32). С. 33–69.
3. Головки Н.В. Эвиденциализм, тезис Фантла – Макграта и аргумент от ошибки // *Respublica Literaria*. 2023. Т. 4, № 3.
4. Cohen S. Contextualism, skepticism, and the structure of reasons // *Philosophical Perspectives*. 1999. No. 13. P. 57–89.
5. Cohen S. How to be a fallibilist // *Philosophical Perspectives*. 1988. No. 2. P. 581–605.
6. Cohen S. Knowledge and context // *The Journal of Philosophy*. 1986. Vol. 83. P. 574–585.

7. *Dennett D.* Real patterns // *Journal of Philosophy*. 1991. Vol. 88. P. 27–51.
8. *DeRose K.* Contextualism and knowledge attributions // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1992. Vol. 52. P. 913–929.
9. *DeRose K.* The ordinary language basis for contextualism and the new invariantism // *Philosophical Quarterly*. 2005. Vol. 55. P. 172–198.
10. *Fantl J., McGrath M.* Evidence, pragmatics, and justification // *Philosophical Review*. 2002. Vol. 111 (1). P. 67–94.
11. *Fantl J., McGrath M.* On pragmatic encroachment in epistemology // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2007. Vol. 75. P. 558–589.
12. *Hawthorne J.* Knowledge and Lotteries. Oxford University Press, 2004.
13. *Henderson D., Horgan T.* Epistemological Spectrum: At the Interface of Cognitive Science and Conceptual Analysis. Oxford University Press, 2011.
14. *Kvanvig J.* Against pragmatic encroachment // *Logos & Episteme*. 2011. Vol. 2. No.1. P. 77–85.
15. *Lewis D.* Elusive knowledge // *Australasian Journal of Philosophy*. 1996. Vol. 74. P. 549–567.
16. *Nagel J.* Knowledge ascriptions and the psychological consequences of changing stakes // *Australasian Journal of Philosophy*. 2008. Vol. 86. P. 279–294.
17. *Popper K.* The Logic of Scientific Discovery. Routledge Classics, 2002.
18. *Royzman E., Cassidy K., Baron J.* “I know, you know”: Epistemic egocentrism in children and adults // *Review of General Psychology*. 2003. Vol. 7, No. 1. P. 38–65.

References

1. *Golovko, N.V.* (2006). Naturalizatsiya epistemologii i osnovnye argumenty v polzu nauchnogo realizma [Naturalization of epistemology and the basic arguments for scientific realism]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya* [Vestnik Novosibirsk State University. Series: Philosophy], Vol. 4. No. 2, 51–57.
2. *Golovko, N.V.* (2007). Teoreticheskie i operatsionalnye ogranicheniya v epistemologii nauki: preodolenie logitsizma [Theoretical and operational constraints in epistemology of science: overcoming of logicism]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 1 (32), 33–69.
3. *Golovko, N.V.* (2023). Evidentsializm, tezis Fantla – Makgrata i argument ot oshibki [Evidentialism, Fantl–McGrath’s argument and the error argument]. *Respublica Literaria*, Vol. 4, No. 3.
4. *Cohen, S.* (1999). Contextualism, skepticism, and the structure of reasons. *Philosophical Perspectives*, 13, 57–89.
5. *Cohen, S.* (1988). How to be a fallibilist. *Philosophical Perspectives*, 2, 581–605.
6. *Cohen, S.* (1986). Knowledge and context. *The Journal of Philosophy*, 83, 574–585.
7. *Dennett, D.* (1991). Real patterns. *Journal of Philosophy*, 88, 27–51.
8. *DeRose, K.* (1992). Contextualism and knowledge attributions. *Philosophy and Phenomenological Research*, 52, 913–929.
9. *DeRose, K.* (2005). The ordinary language basis for contextualism and the new invariantism. *Philosophical Quarterly*, 55, 172–198.
10. *Fantl, J. & M. McGrat.* (2002). Evidence, pragmatics, and justification. *Philosophical Review*, 111 (1), 67–94.

11. *Fantl, J. & M. McGrath.* (2007). On pragmatic encroachment in epistemology. *Philosophy and Phenomenological Research*, 75, 558–589.
12. *Hawthorne, J.* (2004). *Knowledge and Lotteries*. Oxford University Press.
13. *Henderson, D. & T. Horgan.* (2011). *Epistemological Spectrum: At the Interface of Cognitive Science and Conceptual Analysis*. Oxford University Press.
14. *Kvanvig, J.* (2011). Against pragmatic encroachment. *Logos & Episteme*, Vol. 2, No. 1, 77–85.
15. *Lewis, D.* (1996). Elusive knowledge. *Australasian Journal of Philosophy*, 74, 549–567.
16. *Nagel, J.* (2008). Knowledge ascriptions and the psychological consequences of changing stakes. *Australasian Journal of Philosophy*, 86, 279–294.
17. *Popper, K.* (2002). *The Logic of Scientific Discovery*. Routledge Classics.
18. *Royzman, E., K. Cassidy & J. Baron.* (2003). “I know, you know”: Epistemic egocentrism in children and adults. *Review of General Psychology*, Vol. 7, No. 1, 38–65.

Информация об авторе

Головки Никита Владимирович – Институт философии и права СО РАН
(630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
golovko@philosophy.nsc.ru

Information about the author

Golovko, Nikita Vladimirovich – Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia)

Дата поступления 07.11.2023